

Взаимоотношения органов церковного управления с командованием Вооруженными силами и краевыми правительствами на Юге России в период Гражданской войны

© Ю.А. Бирюкова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются отношения органов церковного управления на Юге России в период Гражданской войны с Главнокомандующими вооруженных сил Юга России А.И. Деникиным и П.Н. Врангелем, Донским, Кубанским и Крымским краевыми правительствами. В основу работы положен широкий круг источников, включающих церковную делопроизводственную документацию, сводки белогвардейского Освага, материалы личного фонда Деникина, мемуары и региональную периодическую печать. Показано, что Русская православная церковь оказала однозначную поддержку Белому движению, причём, приоритетом обладало Главное командование. С казачьими правительствами отношения складывались неоднородно – более тёплые были выстроены на Дону, где церковь пользовалось содержанием за счёт войсковой казны. Имели перспективы и отношения со Вторым Крымским краевым правительством, однако процесс их выстраивания был прерван в связи с прекращением его существования. В отличие от них, в Кубанской Краевой Раде и Краевом Правительстве наблюдались левые настроения, которые, накладываясь на особенности личности и позиции по отношению к официальным лицам правительства епископа Кубанского Иоанна (Левицкого), привели к конфронтации между ними. Кубанская конституция отменяла вероисповедные преимущества, на основании чего правительство отказывало в покровительстве православной церкви и её учреждениям. Рассмотрена также политика А.И. Деникина и П.Н. Врангеля в религиозной сфере. Примечательно, что все представители белого лагеря признавали решения Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. в качестве действующего законодательства. Взаимоотношения церковной власти, краевых правительств и Деникина в годы Гражданской войны складывались сложно, зачастую конфликтно. Каждая сторона пыталась отстаивать свой интерес: краевые правительства превыше всего ставили интересы края и свои политические прерогативы; церковные власти требовали по отношению к себе уважительного и доброжелательного отношения.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Временное высшее церковное управление, управление исповеданий, Добровольческая армия, Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 гг., А.И. Деникин, Гражданская война, епархиальный совет, Кубанская Краевая Рада, епископ Иоанн (Левицкий)

Благодарности: Материал подготовлен при поддержке проекта РНФ № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», выполняемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

Для цитирования: Бирюкова Ю.А. Взаимоотношения органов церковного управления с командованием Вооруженными силами и краевыми правительствами на Юге России в период Гражданской войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 192–207. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-192-207>

Relations of church administration bodies with the command of the Armed Forces and regional governments in the South of Russia during the Civil War

© Yuliya A. Biryukova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract: The article examines the relations of the church administration bodies in the South of Russia during the Civil War with the Commanders-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia A.I. Denikin and P.N. Wrangel, and the Don, Kuban and Crimean regional governments. The work is based on a wide range of sources, including church records, reports of the White Guard Oswag, materials from Denikin's personal fund, memoirs and regional periodicals. It is shown that the Orthodox Church provided unequivocal support to the White Movement, and the Main Command had priority. Relations with the Cossack governments were not uniform – warmer relations were built on the Don, where the Church enjoyed maintenance at the expense of the military treasury. There were also prospects for relations with the Second Crimean Regional Government, but the process of building them was interrupted due to the termination of its existence. In contrast, in the Kuban Regional Rada and the Regional Government, left-wing sentiments were observed, which, creeping into the personality characteristics and positions in relation to the officials of the government of Bishop John of Kuban (Levitsky), led to a confrontation between them. The Kuban Constitution abolished religious advantages, on the basis of which the government refused to patronize the Orthodox Church and its institutions. The article also considers the policy of A.I. Denikin and P.N. Wrangel in the religious sphere. It is noteworthy that all representatives of the white camp recognized the decisions of the All-Russian Local Council of 1917–1918 as the current legislation. The relationship between the church authorities, regional governments and Denikin during the Civil War was difficult, often conflictual. Each side tried to defend its own interests: the regional governments put the interests of the region and their political prerogatives above all; the church authorities demanded a respectful and benevolent attitude towards themselves.

Keywords: The Orthodox Church, the Provisional higher Church Administration, the Department of Confessions, the Volunteer Army, the All-Russian Local church Council of 1917–1918, A.I. Denikin, Civil War, the diocesan Council, the Kuban Regional Rada, Bishop John (Levitsky)

Acknowledgements: The material was prepared with the support of the RNF project No. 21-18-00266 “Religious factor in Russia during the Civil War: phenomenon, significance and regional specifics”, carried out at St. Petersburg State University.

For citation: Biryukova Yu.A. (2021) Relations of church administration bodies with the command of the Armed Forces and regional governments in the South of Russia during the Civil War. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 192–207. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-192-207>

До настоящего времени тема взаимоотношений органов церковного управления православной церкви на территориях Юга России, охваченных Гражданской войной, не получила комплексного исследования. Конечно, нет ничего нового в идее о том, что православные деятели поддержали Белое движение. В целом это так, но, во-первых, проблема отношений различных политических сил, составляющих данное сложное движение, с временными высшими и епархиальными церковными структурами остаётся не раскрытой, не показан и характер религиозной политики Главного командования. Лишь единичные публикации касались некоторых аспектов участия православного духовенства в политике в период Гражданской войны. Это такие авторы как А.Н. Кашеваров (Кашеваров, 2002; Кашеваров, 2005; Кашеваров, 2008) и А.В. Попов (Попов, 2005). А.А. Кострюков (Кострюков, 2008а; Кострюков, 2008b) рассмотрели тему создания Высшего церковного управления на территории, занятой белыми, при поддержке Главного командования Добровольческой армии. Работа В.Ж. Цветкова характеризует положение церковной

власти в политико-правовой системе периода Гражданской войны, выстраивание отношений с Белыми правительствами (Цветков, 2016). Автор отмечает стремление общественно-политических объединений Юга России заручиться церковной поддержкой и принять участие в формировании новой системы государственно-церковных отношений (Цветков, 2016. С. 47–49, 66).

Появились работы, затрагивающие аспекты государственно-церковных отношений в Сибири, контролируемой правительством А.В. Колчака. Д.В. Олихов рассматривает причины и предпосылки образования ВВЦУ Сибири, выстраивание отношений с правительством адмирала А.В. Колчака, вопросы взаимодействия Главного управления по делам вероисповеданий с ВВЦУ Сибири и церковными иерархами (Олихов, 2014¹; Олихов, 2017). Н.В. Кияшко изучил положение южнороссийских епархий в

¹ Олихов Д.В. Создание и деятельность временного высшего церковного управления Сибири: 1918-1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2014. 229 с.

политической системе Белого Юга, образовании нового политического центра в Новороссийске и связь этого факта с церковно-административной реформой, а также заинтересованность Деникина в создании Черноморской епархии с центром в Новороссийске (Кияшко, 2019). Можно заметить, что зарубежные исследователи также стали уделять больше внимания церковной жизни в годы Гражданской войны. В последние время происходит переосмысление роли и позиции русского православия (Kenworthy Scott, 2018). С. Кенворти обращает особое внимание на то, что Российская православная церковь в этот период продолжала оказывать влияние на различные стороны повседневной жизни и культуры народа. Поэтому «игнорирование судьбы православия и менявшегося к нему отношения людей в революционном контексте, несомненно, ведет к потере крупного фрагмента этой истории» (Кенворти, 2020. С. 208).

Таким образом, можно отметить интерес к данной теме, но пока не получивший ещё должного внимания.

5 ноября 1917 г. (ст. ст.) в Войсковом Вознесенском соборе г. Новочеркаска в присутствии представителей всех казачьих войск (Терека, Кубани, Волги, Урала, Семиречья, Уссури, Амура и Енисея) епископом Аксайским Гермогеном была произнесена взволнованная речь, основным предметом которой стал осуществлённый большевиками захват власти в России. Епископу казалось, что Отечество погибает: «ужасный позор», «небывалый разгром», «ужасная гибель нашей дорогой Родины», – так характеризовал он происходящие события. Причину подобного духовно-нравственного падения и политического кризиса он видел в том, что доблестные русские войска покинули фронт, а большевики, воспользовавшись ситуацией, нанесли удар в спину. Их действия – погромы православных святынь, разгром Успенского собора Кремля – древнейшей православной святыни, владыка характеризовал, как действия лишенных разума людей. Надеждой Родины и её точкой опоры, отмечал епископ, остались «Тихий Дон» и вера как всех объединяющая сила (Донская христианская мысль. 1917. 26 ноября. № 22. С. 341).

Речь епископа чётко обозначила, с кем будет Церковь, и кого она благословит на возрождение Родины. Она будет с христоробивым воинством, с теми, кто сохранит заветы святой христианской веры, а остальные, антихристианские, тёмные и разрушительные силы, она не может благословить. Поэтому сразу же довольно тёплые отношения сложились между Донским войсковым правительством и Церковью на Дону.

Епархиальные власти поддержали образование Донской республики, и освящали каждый акт её самостоятельных действий.

17 июня 1917 г. по случаю выборов Донским Войсковым казачьим кругом атамана А.М. Каледина, глубоко и искренне верующего человека, в Вознесенском войсковом соборе в Новочеркасске был отслужен торжественный молебен. Прибывшего на следующий день к литургии атамана на паперти собора торжественно встретили архиепископ Митрофан и епископ Гермоген. После литургии и молебна атаман, депутаты Войскового Круга и всё духовенство вышли на площадь, где первому выбранному атаману был преподнесён золотой пернач (Донская христианская мысль. 1917. 9 июля. № 2. С. 26).

10 октября 1917 г., в присутствии преосвященного Гермогена, атамана А.М. Каледина, членов войскового правительства в благословение Войску Донскому была принесена икона святителей Гурия, Варсонофия и Германа, Казанских чудотворцев. Икона была принята Калединым «с благоговением» и передана епископу Гермогену для хранения в войсковом соборе. Данное событие воспринималось как свидетельство и напоминание о том, с какой верой смотрит русский народ на казачество, «от казаков только ждут спасения России, ибо только у казаков вся сила и мощь» (Лобов Захария, прот. Хроника местной церковно-общественной жизни // Донская христианская мысль. 1917. 29 октября. № 18. С. 283).

6 ноября 1917 г. Донской епархиальный съезд духовенства и мирян выразил доверие правительству Войска Донского и Юго-Восточному союзу казачьих областей, в своей резолюции отметив: «...Спасение государственной жизни России может выйти только отсюда, из великого войска Донского в

союзе с другими казачьими областями, поэтому епархиальный съезд приветствует решение войскового атамана и войскового правительства принять на себя всю полноту государственной власти в крае, приветствует заключение юго-восточного союза казачьих областей, горцев и вольных народов степей и выражает полную готовность всемерно содействовать на местах стремлению войскового правительства поддержать законность и порядок в крае» (Донская христианская мысль. 1917. 26 ноября. № 22. С. 346).

Немного осложняло отношения размещение войскового штаба в Духовной семинарии. По этому поводу к Каледину была отправлена епархиальная делегация, которой вначале удалось добиться лишь создания комиссии для определения наёмной стоимости здания семинарии с целью возмещения этой суммы военным ведомством, позже велись переговоры об освобождении части семинарии под общежитие (Донская христианская мысль. 1917. 29 октября. № 18. С. 284; 26 ноября. № 22. С. 345).

Более директивную политику в отношении Церкви повёл атаман П.Н. Краснов, также известными сложными отношениями с Добровольческой армией (Пученков, 2021). Приказом по Всевеликому войску Донскому от 4–7 мая 1918 г. Краснов предписывал архиепископу Митрофану созвать собор с участием старообрядцев и буддистов и выработать закон об устройстве быта духовенства, отменив при этом плату за требы. 4 мая 1918 г. на Круге спасения Дона был принят основной закон Всевеликого войска Донского, в разделе «О вере» которого говорилось о первенствующем положении в ОВД христианской православной веры.

При преемнике Краснова, атамане А.П. Богаевском, 1 июня 1919 г., Донское Войсковое правительство приняло закон «Об установлении окладов содержания православному приходскому духовенству Донской епархии» (Закон об установлении окладов содержания православному приходскому духовенству Донской епархии // Донская христианская мысль. 1919. 20 августа. № 36–37. С. 391). Приходы освобождались от необходимости содержать духовенство, в том числе от плат за требы. Духовенство, служащее в военных или тюремных ве-

домствах, обеспечивалось окладами по штатам этих ведомств. Открытие новых штатов в епархии теперь должно было согласовываться с Войсковым правительством. Выделялась также сумма на содержание архиерейского подворья, но основная часть расходов всё равно оставалась на долю епархии (Закон об установлении окладов содержания православному приходскому духовенству Донской епархии // Донская христианская мысль. 1919. 20 августа. № 36–37. С. 354). Войсковое правительство взяло на себя и расходы на восстановление храмов Области Войска Донского после поругания большевиками (Донская христианская мысль. 1919. 23–30 июня. № 25–26. С. 286–287). Был образован специальный комитет по устройению разрушенных церквей (Донская христианская мысль. 1919. 7 июля. № 27. С. 295).

16 июля 1919 г. на Дону праздновали окончательное освобождение от большевиков объединёнными силами донцов, кубанцев и Добровольческой армии. Контроль над областью переходил к командованию Добровольческой армии. По этому поводу собором духовенства во главе с епископом Гермогеном был отслужен благодарственный молебен. В присутствии всего Войскового Круга во главе с атаманом, а также английской, кубанской и терской миссий, на соборную площадь вынесли все войсковые регалии. Затем молебен служили в Атаманском дворце. Преосвященный Гермоген произнёс трогательную речь, в которой отметил: «...Можно сказать, для нас снова началась Пасха [...], мрак большевизма рассеялся, и наступил светлый и ясный день свободы и истинного братства. [...] Самым лучшим памятником этого славного события может быть только святой храм, который мы и воздвигнем на память грядущему нашему потомству» (З[ахария] Л[обов], прот. Светлый и радостный день на Дону // Донская христианская мысль. 1919. 7 июля. № 27. С. 295–297). Главный придел храма-памятника предлагалось освятить в честь иконы Божьей Матери «Нерушимая Стена», храму усваивалось также второе наименование – «Храм спасения Дона». После произнесённой речи, владыка снял клобук, положил в него свою лепту, и пошел собирать пожертвования, собрав сразу более 6 тыс. рублей (З[ахария] Л[обов], прот. Светлый и радостный день на Дону // Донская

христианская мысль. 1919. 7 июля. № 27. С. 297). Место под строительство храма торжественно освятили в присутствии войскового атамана и его штаба на месте гибели расстрелянных большевиками атамана А.М. Назарова, председателя войскового круга Е.А. Волошинова и других генералов (З[ахария] Л[обов]), прот. Освящение места под храм спасения Дона // Донская христианская мысль. 1919. 22–29 августа. № 38–39. С. 407–408).

Не меньшей поддержкой церкви Юга России пользовалась Добровольческая армия в целом, при этом особым уважением Главнокомандующий ВСЮР генерал А.И. Деникин, являвшийся, по сути, диктатором на контролируемых белогвардейцами территориях.

Церковь видела в Добровольческой армии, по словам известного политического деятеля В.М. Скворцова, собирательницу рассыпавшейся Русской земли и охранительницу святынь народной веры, правопорядка и истинной свободы (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3696. Оп. 2. Д. 4. Л. 19 об.). От Церкви ждали, что она, по словам Скворцова, «осветит духовным ореолом новосозданную русскую армию как Христолюбивое воинство», то есть официального благословения Белого движения, которое не было получено от Патриарха (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 2. Д. 4. Л. 19 об.).

Такую же позицию занимал и преосвященный Агафодор, архиепископ Кавказский и Ставропольский. В сентябре 1918 г. он выпустил архипастырское послание боголюбивым пастырям и пастве Ставропольской губернии, в котором назвал белые войска, освобождающие Северный Кавказ от большевиков, крестоносными дружинами рыцарей Добровольческой армии, «благословенными спасителями и освободителями». Добровольческая армия виделась поборницей порядка и закона, о восстановлении которых мечтает всё население, после тех притеснений, которые испытало от большевиков (Ставропольские ведомости. 1918. 29 сентября. № 61). Благодаря ей, – отмечал архиепископ, – страна имеет надежду на спасение и «возрождается к лучшей, спокойной, разумной жизни». Освобождение от большевиков он сравнил с избавлением от татарского ига, на которое благословил Дмитрия

Донского преподобный Сергей Радонежский. 21 ноября 1918 г. архиепископ вручил Ставропольскому военному губернатору генералу П.В. Глазенапу Благословенную грамоту (Ставропольские ведомости. 1918. 23 ноября. № 82).

К этому времени в полной мере проявилось отношение большевиков к церкви и духовенству, принявшее крайние формы и масштаб на территориях военных действий Гражданской войны. Подробнее эта тема рассматривается в предшествующей публикации автора (Бирюкова, 2019).

Архиепископ Агафодор говорил: «Тяжелое время переживает ныне русская церковь: гонения и предательства, жесточайшие из всех, какие когда-либо знала древняя церковная история. Безумие и изуверства, охватившие сердца даже многих из верующих христиан, затемнили наш разум, помрачили волю. Преступления и убийства, о которых не могли и помыслить древние мучители, теперь совершаются с открытой жестокостью почти на глазах у всех... Власть, которая, в сущности, должна была стать на защиту всех людей в России, без различия их звания и благосостояния, [...] массовыми истязаниями и бессмысленным террором своим, беспощадными гонениями и издевательствами над ни в чём неповинными поборниками и спасителями Отечества, служителями правды Божией и алтаря Господня» (Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 237. Оп. 1. Д. 78. Л. 16–17; Ставропольские ведомости. 1918. 29 сентября. № 61. С. 3).

В этих условиях поддержка левой части спектра политических сил была для церкви, конечно, исключена, и она не могла не оказаться на стороне Белого движения.

Торжественное прибытие генерала А.И. Деникина в Ставрополь в августе 1918 г. сопровождалось церемониалом приветствия на соборной площади. Генерал проследовал на автомобиле через строй учащих местных учебных заведений. В соборе его встретил архиепископ Агафодор, благословляя и приветствуя от лица Ставропольской церкви словами «доблестный вождь славной Добровольческой армии». Саму же Добровольческую армию архиепископ назвал «христолюбивым воинством». После молебна духовенство Ставропольской епархии пре-

поднесло генералу приветственный адрес, говорил епископ Александровский Михаил, который приветствовал Деникина словами, обращёнными в Евангелии к Христу во время Его торжественного входа в Иерусалим: «Благословен грядый во Имя Господне!». Деникин именовался доблестным высокоидейным вождём великого воинства, великого «по той христианской любви к истерзанному отечеству, по той преданности долгу перед Родиной, по той беззаветной храбрости, которыми отличается и характеризуется Добровольческая армия!» (Ставропольские ведомости. 1918. 28 августа. № 38). Армия под командованием Деникина в этой речи была названа «нравственно высокой». Затем Деникину преподнесли икону.

Главное командование ВСЮР поддержало созыв Юго-Восточного Русского Церковного Собора (далее – ЮВРЦС) в мае 1919 г. Собор учредил временный орган высшего церковного управления, его компетенция распространялась исключительно на территории Юго-Востока России, и другие территории, которые могли в дальнейшем перейти под командование Добровольческих сил, – Временное Высшее Церковное Управление на Юго-Востоке России. Подобное объединение епархий под общим церковным началом было вызвано разрывом связей с Высшим церковным управлением Российской церкви вследствие Гражданской войны. Главным же командованием оно рассматривалось как фактор, способствующий государственному единению подконтрольных Добровольческим силам территорий под его властью. Это было в русле политики утверждения примата единоличной военной диктатуры Главнокомандующего, но противоречило планам казачьих государственных образований Дона, Кубани и Терека, отстаивавших свой суверенитет в гражданском управлении (Бирюкова, 2014. С. 12), за что и получили от Главнокомандующего наименование «самостийники» и «сепаратисты» (ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 116. Л. 2–3; Шавельский, 1954. С. 356).

Неслучайно наиболее жаркие дискуссии вызвал на Соборе вопрос о месте пребывания Высшей церковной власти. Все понимали, что это послужит укреплению престижа и гражданской власти – главнокомандующего или же краевых правительств: «Са-

мостийники понимали это, – писал протопресвитер Г. Шавельский в своих воспоминаниях, – и уже собирались перетянуть ВВЦУ во Всевеликое войско Донское» (Шавельский, 1954. С. 351). Депутаты от этой области даже грозились, что войсковой круг откажется материально поддерживать церковь, если ВВЦУ окажется в соседстве с гражданскими институтами Добровольческой армии. Собор решил, что донскими делегатами руководит «мелкое, провинциальное честолюбие», и постановил, что место работы ВВЦУ будет при ставке Главнокомандующего (Шавельский, 1954. С. 344, 350).

Приоритетная поддержка Деникина со стороны Собора была очевидной. Отмечалась ведущая и объединяющая роль Главнокомандующего, вокруг которого объединились и казачьи войска (Юго-Восточный..., 2018. С. 46)². Деникин был назван орудием Промысла Божьего, в то время как представители донского и кубанского войск, – представителями православного населения. Выступления представителей Донского и Кубанского войск даже не были запротоколированы. В них говорилось о Юго-Восточном союзе казачьих войск. Представители казачества надеялись обрести поддержку со стороны церкви своих федеративных интересов. Выступивший от Донского Круга П.С. Якушев сказал: «Необходимо тесное единение соседей. Идея Юго-Восточного союза уже осуществляется в церковном мире» (ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 116. Л. 4; Жизнь. 1919. 4 (17) июня. № 34).

Временное Высшее Церковное Управление на Юге России, начавшее свою работу 5 июня 1919 г., накануне, 4 июня, во главе со своим председателем, архиепископом Митрофаном (Симашкевичем), посетило генерала Деникина, и от имени ЮВРЦС благословило в его лице все антибольшевистские армии – Добровольческую, Донскую, Кубанскую и Терскую. А первым официальным действием ВВЦУ стало постановление от 5 июня 1919 г. об установлении молитвенного поминовения на богослужении адмирала А. Колчака как Верховного правителя

² Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года / Сб. документов под ред. Ю. А. Бирюковой. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2018. 369 с.

(Донская христианская мысль. 1919. 23–30 июня. №№ 25–26. С. 273).

Особое совещание при Главнокомандующем ВСЮР на контролируемых территориях, объём которых возрастал в 1919 г., приступило к восстановлению органов государственного управления. 2 (15) февраля 1919 г. Деникин утвердил новое Положение об Особом совещании, по которому в его состав вошло Управление исповеданий, подобное действовавшему при Временном правительстве. Постановлением Особого совещания от 13 июля 1919 г. начальником Управления исповеданий был назначен Г.Н. Трубецкой. А в декабре 1919 г. – В.В. Мусин-Пушкин (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 2. Д. 7. Л. 83).

Устроив аналог обер-прокуратуры Святейшего Синода (Кандидов, 1931. С. 36; Молчанов, 2008. С. 35), Деникин не порывал с практикой Временного правительства, однако на проблему положения церкви в государстве он смотрел с учётом решений Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. Деникин признавал постановления Поместного Собора, в соответствии с которыми «Церковь свободна и независима в делах своего внутреннего распорядка и самоуправления» (Деникин, 2014. С. 120), что нашло отражение в его декларации председателю Особого Совещания. Таким образом, он принимал Соборное определение от 2 декабря 1917 г. «О правовом положении Церкви в государстве», но создавал посреднический орган между высшими управленческими структурами двух властей. Управление исповеданий должно было лишь наблюдать «за соответствием постановлений власти Православной церкви в делах, соприкасающихся с областью государственных и гражданских правоотношений, с существующими общими государственными узаконениями», а также быть посредником в осуществлении государственной материальной поддержки церкви (Деникин, 2014. С. 120). По словам профессора, члена ВВЦУ на Юге России П.В. Верховского, декларация Деникина, по сравнению с позицией царской власти, выглядела новаторской. Он назвал её «актом доверия, справедливо заслуженным Церковью за два тысячелетия её бытия» (П.В. Верховский. Исторический акт // Церковные ведомости. 1919. № 4). Деникин не обозначил формы контроля

соответствия распоряжений церковной власти существующему законодательству и разрешения спорных ситуаций, однако, Верховский не сомневался, что и они будут определены в соответствии с постановлениями Поместного Собора – в судебно-административном порядке, а не в виде бюрократического надзора.

Тем не менее вопрос определения правового статуса церкви оставался открытым, о чём говорит попытка образования на ЮВРЦС особого отдела о правовом положении церкви в России (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 2. Д. 4. Л. 40–40 об.). Позже, созданное на Соборе ВВЦУ, критиковало деятельность деникинского управления исповеданий. Заседания проходили при участии вновь назначенного Начальника Управления исповеданий – князя Григория Николаевича Трубецкого. На 7-й сессии Временного Высшего Церковного Управления, прошедшей 22–25 августа 1919 г., ВВЦУ поручило Г.Н. Трубецкому и профессору П.В. Верховскому составить проект положения о едином Управлении исповеданий по всей территории России «в целях установления единства церковной политики», тем самым стремясь утвердить свой примат в решении подобных вопросов (В Высшем Церковном Управлении // Свободная речь. 1919. 29 июля (1 августа). № 186).

Министром народного просвещения, культов и здравоохранения Второго Крымского краевого правительства С.А. Никоновым был подготовлен законопроект о выдаче нуждающемуся духовенству, прежде всего сельскому, единовременных пособий. Сумма была выделена скромная, вследствие отсутствия необходимых средств (Пученков, Калиновский, 2020. С. 324). Крымское краевое правительство также признало епархиальные советы государственными учреждениями. Второе Крымское краевое правительство основывалось на постановлении Временного правительства от 5 августа 1917 г. № 1134 (СУ № 190), по которому все преобразования по церковному вопросу должны производиться на основаниях, выработанных Всероссийским Поместным Собором 1917–1918 гг. Правительство постановило утвердить штаты епархиального совета и ассигновать из средств краевого казначейства 181,6 тыс. руб. в год (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 5.

Л. 1). В постановлении Совета министров от 21 февраля 1919 г. говорилось: «Утвердить прилагаемые при сем штаты Таврического епархиального совета на основании принятого Поместным Всероссийским Собором положения о епархиальном управлении, признав за этим учреждением значение правительственного... С упразднением Духовной консистории оставить в силе действующего закона те статьи устава Духовной консистории, кои не отменены постановлением Поместного Всероссийского Собора...» (Кандидов, 1931. С. 45).

Архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе) объяснял это положение тем, что епархиальный совет являлся высшим административным и судебным органом епархиальной власти, он заменил собой духовную консисторию, и более чем 2/3 его дел имело не только церковный, но и гражданский характер. Поэтому епархиальный совет надлежало рассматривать наряду с другими губернскими учреждениями. Русское Правительство считало всегда своим долгом содержать эти учреждения на средства казны (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 5. Л. 1). Приказ Главнокомандующего вооруженными силами Юга России от 13 апреля 1919 г. № 48 устанавливал вознаграждение служащих правительственных учреждений в соответствии с классом должности, которую занимал служащий. Классы должностей канцелярии епархиальных советов были повышены, по сравнению со штатами Духовных консисторий, что совпадало с предложениями Святейшего Синода, выраженными в проекте штатов духовных консисторий, внесенным в 1911 г. в Государственную Думу.

В апреле 1919 г. в связи с прекращением деятельности Второго Крымского правительства, его постановления были аннулированы, и епархиальные советы лишились ассигнований из казны. Рассчитывать на какие-либо епархиальные средства не приходилось. В 1920 г. архиепископ Димитрий просил ВВЦУ ходатайствовать перед главой правительства Юга России А.В. Кривошеиным о признании епархиальных советов правительственными учреждениями и об их финансировании (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 5. Л. 1).

Весной 1920 г. в стане белых сил происходит переворот, А.И. Деникина на посту Главнокомандую-

щего сменяет П.Н. Врангель. В заговоре самое активное участие принимает епископ Вениамин (Федченков), который сменив протопресвитера Г. Шавельского, стал епископом армии и флота (Пученков, Калиновский, 2020. С. 338–339, 348). Главнокомандующий Русской армией П.Н. Врангель, производя реорганизацию ведомств и учреждений, запросил мнение ВВЦУ и епископа Вениамина (Федченкова) о желательном ведомственном подчинении Управления исповеданий. В ответ на письмо управляющего делами совета при Врангеле епископ Вениамин выразил мнение, что самостоятельное Управление исповеданий излишне. Его функции вполне может взять на себя Временное высшее церковное управление, основываясь на определениях Поместного Собора (Кандидов, 1931. С. 46–47). 14 июня 1920 г. постановлением Совета при Главнокомандующем армией Управление исповеданий было упразднено, а решение всех церковных дел возложено на ВВЦУ Юга России, инославные исповедания передавались в ведение гражданского управления внутренних дел; спустя 3 дня это постановление было утверждено главой правительства Юга России А.В. Кривошеиным (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 5. Л. 65). Не вполне удовлетворившись данным документом, ВВЦУ обратилось к Врангелю с просьбой внести в постановление поправку о том, что председатель ВВЦУ участвует в заседаниях совета при Главнокомандующем не с совещательным, а с решающим голосом. Врангель дал положительное заключение (Кандидов, 1931. С. 47). При этом ВВЦУ было признано правительственным учреждением, но, несмотря на это, оно до мая 1920 г. содержалось за счет собственных средств, и находилось в крайне тяжелом положении, т. к. в его ведении осталась лишь часть Таврической епархии. Были инициированы прошения о государственной финансовой поддержке (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 8. Л. 11 об.).

Чрезвычайно напряженно, с самого начала Гражданской войны на Кубани, складывались отношения между Кубанским краевым правительством и епархиальной властью в лице епископа Кубанского Иоанна.

Все епархиальные здания были реквизированы под военные нужды, однако после победы белых на

Кубани большинство из них так и не было освобождено. Епархиальное женское училище было реквизировано для создания военного училища. В распоряжении епархии осталось четыре флигеля возле его основного корпуса, в которых и должны были разместиться епархиальный совет, свечной завод, свечной склад, правление и контора завода, винный погреб, склад, попечительство о бедных духовного звания, редакция «Кубанского церковного вестника», совет союза духовенства, а также проходить епархиальные благочиннические, пастырские и законоучительские собрания. Там же находились квартиры начальницы училища и воспитательного персонала, председателя и членов правления свечного завода, а также двух членов епархиального совета. Тем не менее военное училище просило об освобождении всех помещений, включая флигели. Епархиальный совет расценивал такие действия краевого правительства как акт насилия. При этом мужское епархиальное училище занимал лазарет Добровольческой армии. Здание духовного училища, в котором хотели поместить свечной завод, с первых дней революции, без согласования с епархиальным начальством было занято Петроградским детским приютом бывшего ведомства учреждений императрицы Марии (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 186).

«Столь неуважительного, совершенно бесцеремонного отношения со стороны правительства к епархии я ещё нигде не встречал», – оценивал епископ Евлогий сложившуюся ситуацию (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 144). Он также обращал внимание на то, что у кубанского правительства было достаточно собственных учебных заведений, но оно предпочло отобрать последнее у Церкви, при том, возможно, навсегда. По словам местных жителей, существовали планы размещения военного училища в других помещениях недействующих учреждений, но правительство выбрало именно епархиальное, «потому, что оно удобное, и потому, что духовное ведомство является беззащитным» (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 145). «Насилие распространяется по линии наименьшего сопротивления. Конечно, будь на месте преосвященного Иоанна более сильный и влиятельный святитель, он, быть

может, отстоял бы права епархии (хотя, учитывая настроения кубанских властей, в этом можно сомневаться)», – писал епископ Евлогий.

Все ходатайства епархиальной власти в Краевую Раду, войсковому атаману, в Законодательную Раду, в Совет правительства игнорировались. Удалось лишь добиться того, что постановлением Совета правительства от 12 марта 1919 г. № 68, п. 18 епархиальный совет был признан правительственным учреждением. При этом параграф 4 Кубанской конституции гласил, что в крае никто не может пользоваться преимуществами на вероисповедной основе. Это положение толковалось в том смысле, что правительство не может оказывать покровительства православной Церкви и её учреждениям. И члены вероисповедной комиссии, учреждённой при Кубанской Раде во главе с Г. Омельченко, в беседе с представителями епархии указывали на этот параграф, как препятствие для продуктивной работы (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 144, 184, 186).

Неблагожелательное отношение краевого правительства к Церкви сказывалось и при решении вопросов о церковно-приходских школах и преподавании Закона Божьего. В частности, это выразилось в отмене циркуляра Ведомства Народного Просвещения о необходимости воспитания подрастающего поколения на христианских началах, т. к. упоминание «христианских начал не соответствует конституции края и может дать повод упрекать правительство в религиозном отношении» (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 144, 184, 186).

Но часть правящих кругов края всё же интересовалась церковными делами, особенно учреждением самостоятельной Кубанской епархии. На Юго-Восточном Соборе 1919 г. представитель Кубанского правительства полковник Гаденко уверял, что учреждения новообразованной епархии будут финансироваться за счёт правительственных средств, однако после образования епархии об этих обещаниях забыли. Была образована межведомственная комиссия для решения вопросов, связанных с устройством новообразованной епархии, куда вошли представители краевого правительства (от ведомств внутренних дел и народного просвещения) и епархии, выработан проект финансирования Кубанского епи-

скопа, кафедрального собора, епархиального совета, духовных учебных заведений, решен вопрос о жаловании духовенству и учреждении Кубанской епархиальной гимназии для его подготовки. Но соответствующий законопроект так и не был утверждён Кубанским правительством (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 185).

Все частновладельческие земли, в том числе причтовые и монастырские, в крае были отобраны. И духовенство оказалось в тяжелом материальном положении, не имея жалованья, земли и квартир, жило подавляющими, которых в условиях войны становилось всё меньше (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 185).

Владыка Евлогий (Георгиевский) так характеризовал Кубанского епископа Иоанна: «Прекрасный человек по своим личным качествам, глубоко благочестивый, молитвенный, добрый и мягкий, кроткий, застенчивый, он вовсе не церковно-общественный деятель для такого бурного, мятежного времени, как переживаемый нами момент, и для такого места, как Кубань» (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 140). «К своему архипастырскому долгу преосвященный Иоанн относится не только с полной добросовестностью, но и с великим усердием. Это большой труженик», – писал он (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 146). В Екатеринодар епископ Иоанн был назначен против воли архиепископа Кавказского Агафодора, имевшего своего кандидата, и с первых же дней почувствовал его нерасположенность и недоверие. Архиепископ всячески дискредитировал своего викария: его представления игнорировались и отвергались, резолюции перечёркивались, и сам он высмеивался перед молодыми священниками. Приехавшему с лучшими рекомендациями от епископа Иоанна священнику Рябикову, архиепископ Агафодор заметил, что епископ не имеет права делать отзывы о членах клира: «Я его посылал по епархии лишь для обозрения церквей и школ и не давал ему полномочия аттестовать духовенство» (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 146). Приехавшего для рукоположения в диаконы псаломщика Преображенского, архиепископ отругал и хотел лишить его места, за то, что он хотел сослаться на рекомендации епископа Иоанна. Монаха же, не

когда обругавшего в пьяном виде епископа последними словами и переведённого из своего монастыря, архиепископ вернул обратно. Отправляя одного священника на Кубань, архиепископ напутствовал его такими словами: «Поезжай, братец, ты поладишь с этим чудаком». Таким образом, епископ лишился всякой инициативы, у епархиальных учреждений и духовенства складывалась привычка не считаться с епископом Кубанским (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 141). По просьбе епископа Иоанна для разбирательств в этом конфликте приезжал товарищ обер-прокурора Н.Д. Жевахов, но это ни к чему не привело.

Сложная общественно-политическая обстановка требовала, по мнению архиепископа Евлогия, жесткости и решительности, активного участия в церковно-общественной жизни, что было не в характере епископа Кубанского. С высшим командованием и правительством Добровольческой армии во время их пребывания в Екатеринодаре он почти не общался. С Краевым правительством и Кубанской Радой он тоже воздерживался от контактов, даже от участия в официальном церемониале: не участвовал в молебне по случаю открытия Рады, не поздравил войскового атамана А.П. Филимонова с избранием, не интересовался местными общественно-политическими течениями, и соответственно, не использовал их для целей епархиальной жизни, не знал даже, что происходит в Краевом правительстве и Раде, не выяснял, с кем можно было бы общаться ради нужд епархии (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 142).

Такая отстранённость и мягкость епископа давали повод его игнорировать. По Положению о Донском казачьем войске 1848 г., распространённом и на бывшее Черноморское войско, войсковой атаман мог выдвигать своих кандидатов на замещение причтовых вакансий войскового собора. Это дало повод Кубанскому атаману генералу А.П. Филимонову вмешиваться в дело о недостатках служения причта собора, возбуждённого протопресвитером Г. Шавельским (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 185).

По жалобе протопресвитера Г. Шавельского, копия которой была направлена войсковому атаману, на небрежное отношение клира Войскового собора

к своим обязанностям, атаман стал требовать от епископа принятия срочных мер. На основании определений Поместного Собора, по которым священник может быть отстранён от служения только по суду, епископ назначил следствие (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 143). В дело вмешались обвиняемые, и епархиальный совет не нашёл нужным провести следствие, ограничившись строгим выговором. Преосвященный Иоанн утвердил такое решение, проявив мягкость и уступчивость, что снова сказало отрицательно на его авторитете. Атамана такой исход дела не удовлетворил, и он, совместно с председателем Краевого правительства, написал епископу угрожающее письмо с требованием перевести священников собора на другой приход, всех диаконов удалить, а на их место перевести более достойных, по мнению атамана, конкретно названных священнослужителей, причём некоторых даже «в срочном порядке» (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 144). Особенно настойчиво он требовал перевода в собор прот. Н. Розанова, и ещё одного священника как кубанского казака. Таким образом, краевое правительство претендовало на решение вопросов назначения причта, не считаясь фактически с постановлениями Поместного Собора и с епархиальной властью. Епископ шёл на уступки и выполнял требования атамана. «Не знаю, – пишет преосвященный Евлогий, – закончится ли на этом бесконечная и тяжёлая переписка между атаманом и преосвященным Иоанном о соборном причте, или она ещё будет продолжаться, но мы видим, в каких она запуталась дебрях и к какому унижению престижа епархиальной власти она привела, только потому, что эта власть не проявила в своё время надлежащей энергии и не удержалась на почве соборных определений. Справедливость, впрочем, требует сказать, что первая вина [...] скорее падает на ставропольское епархиальное начальство, лишившее преосвященного Иоанна всякой самостоятельности» (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 144).

В беседе с атаманом Филимоновым епископ Евлогий выяснил, что заставить кубанские власти считаться с епископом было уже невозможно. В их глазах святительский сан оказался в значительной мере десакрализован, а Кубанская Рада в церковно-

религиозных вопросах открыто демонстрировала явно левые настроения.

С переводом ставки Главнокомандующего в Таганрог и Ростов-на-Дону, и особенно после убийства в Ростове 14 июня 1919 г. председателя Кубанской Краевой Рады Н.С.Рябовола, резко обострились отношения Деникина с Кубанской Радой (Пученков, 2012. С. 391). К осени 1919 г. этот конфликт нарастал. Верхушкой краевого правительства самостийническая линия действительно проводилась последовательно, но не все на Кубани были её безусловными сторонниками. Да и сама эта линия была неоднозначной, и не всегда выражалась в желании отделиться от остальной России. Ю.А. Черкесов пояснял позицию Кубанского правительства: «Кубанская Рада вовсе не стоит за отделение от России, но она хочет права работать для своей области федеративно, не повинуюсь маршальскому жезлу какому-нибудь совершенно неосведомленного в местных делах генерала» (ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 9 об.). В феврале 1919 г. Кубанская Рада обсуждала объединение южных государственных образований на федеративных началах, что противоречило взглядам Деникина на устройство единого Российского государства. В письме на имя атамана Кубанского казачьего войска А.П. Филимонова от 12 апреля 1919 г. он обвинил членов Рады в том, что они «строят свое благополучие на отторжении от России... на уничтожении достоинства русского имени» (ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 22. Л. 3 об.).

Атмосфера накалялась, сводки Отдела пропаганды Особого совещания сообщали, что «федералисты-самостийники» мечтали даже о вооруженной поддержке своих интересов зеленой армией и уволенными в отпуск казаками. Приехавший из Парижа А.И. Калабухов якобы даже заявлял о необходимости изменения взглядов на большевиков, которые, по его мнению, теперь не так страшны, их позиция террора изменилась, и если бы они заняли Кубань теперь, то режима, который они несли ранее, не было бы, «ибо они теперь «сторонники народоправства» и не более того» (ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 204). Действительно, Рада в это время сильно полевела.

А.И. Калабухов был уволенным от службы священником Николаевской церкви станицы Новопокровской, участвовал в Первом Ледяном походе, был избран в Раду, стал министром внутренних дел Кубанского правительства. В качестве члена делегации Кубанской краевой рады в июле 1919 г. Калабухов отправился в Париж, где участвовал в заключении договора с правительством Горской республики. Правительство Кубани и Правительство Республики Горских Народов Кавказа взаимно признавали государственный суверенитет и полную политическую независимость сторон. Калабухов, как и другие современники событий, утверждал, что был подписан лишь проект договора, который требовал утверждения атамана. Тем не менее Деникиным этот акт был расценен как предательство и измена России (Филимонов, 1991. С. 326).

25 октября 1919 г. генерал Деникин издал приказ об аресте и придании военно-полевому суду четырех членов Парижской делегации, в том числе Калабухова (ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 26. Л. 6–7). Кубанская Рада поначалу проявила строптивость, не желая покоряться приказу Главкома. Всё изменило включение Кубанской области в тыловой район Кавказской армии под командованием генерала Врангеля, а значит, на данной территории перестали действовать гражданские законы, и вступили в силу военные. На основании приказа Врангеля от 6 ноября 1919 г. о предании военно-полевому суду участников подписания парижского соглашения Калабухов (единственный из всей делегации) был приговорен к смертной казни через повешение. 7 ноября 1919 г. приговор привели в исполнение. Труп его оставили на виселице, на Красной площади Екатеринодара, до двух часов дня с прикрепленной надписью: «Изменник России и Кубани», а затем по некоторым свидетельствам сбросили на свалку, и только после особого ходатайства удалось получить разрешение на его погребение (ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 26. Л. 8 об.). Калабухов хоть и был заштатным, но не лишённым сана священником, и решать его участь без участия церковных властей с канонической точки зрения было неправильно. Однако это не остановило Деникина, который не посчитался с органами церковного управления и каноническим

правом. Политический момент оказался в приоритете: к тому же Деникин устал от давнишних пререканий с кубанскими сепаратистами и желал проучить их, в его глазах в отношениях с кубанскими строптивцами лимит на поиски компромиссных соглашений был исчерпан (Терновский, 2021. С. 27)³. Обладая личным благочестием и мягким характером, Деникин в этом деле проявил совершенно нехарактерную для него и неоправданную жестокость. Это событие оказало сильное влияние на усиление негативного отношения кубанских казаков к генералу и способствовало разложению Белого движения (Филимонов, 1991. С. 326).

Архиепископ Евлогий (Георгиевский), проводивший по поручению ВВЦУ в октябре – ноябре 1919 г. ревизию Кубанской епархии (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 141), высказался по поводу ситуации с Калабуховым. Владыка Евлогий был возмущён тем, что многие лица в священном сане, а именно – 37 священников, 22 диакона и 38 псаломщиков, – выйдя за штат, подались на работу в светские учреждения, что для того времени было небывалым новшеством и представлялось нарушением канонов. Наиболее известным из них был Калабухов. «В казацкой черкеске, с кинжалом, он являлся к Преосвященному Иоанну приглашать его на какое-то торжество», при этом всё ещё оставаясь священником. Далее владыка принимает как факт, не пытаясь критически осмыслить, сообщение об аресте Калабухова «в числе некоторых других крайних левых вождей кубанской самостоятельности за изменнический образ действий в политике», о котором он узнал из газеты «Приазовский край». «И неужели ни у кого из лиц, стоящих во главе Кубанского управления, – возмущался епископ, – или даже просто из собратьев о. Калабухова не хватило догадки и смелости указать, что в его положении уже непристойно оставаться священником» (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 164). Епископ Кубанский Иоанн издал указ, угрожавший запрещением в священном служении тем, кто будет носить светскую одежду, но его слово осталось, по

³ Терновский В.А. Антибольшевистский лагерь на Кубани: взаимоотношения местных органов власти и командования Добровольческой армии (1917–1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2021. 29 с.

выражению владыки Евлогия, «гласом вопиющего в пустыне». «Иереев и диаконов в тужурках можно встретить в его приёмной», однако лично Калабухову епископ Иоанн никаких замечаний не делал, что практически осуждал владыку Евлогий (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 191). Таким образом, член ВВЦУ Юга России оправдывал действия Главного командования по отношению к Калабухову.

Подводя итог, отметим, что отношения церкви с государственными образованиями на белом Юге складывались на фоне сложной политической обстановки довольно неоднородно, иногда непросто. При этом абсолютно все представители белого лагеря признавали решения Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. в качестве действующего законодательства в религиозной сфере.

Отношения церковных властей и антибольшевистских краевых правительств далеко не везде складывались одинаково. Так было, например, на Дону, где сложились теплые отношения между епархиальным управлением Донской епархии и Донским казачьим правительством. Управление Донской епархии выразило однозначную поддержку казачеству в его борьбе с большевиками. Епархиальные власти поддержали образование Донской республики, и освящали каждый акт её самостоятельных действий. Донской епархиальный съезд духовенства и мирян 6 ноября 1917 г. выразил доверие правительству Войска Донского и Юго-Восточному союзу казачьих областей, приветствуя решение войскового атамана и войскового правительства принять на себя всю полноту государственной власти в крае. И только здесь, 1 июня 1919 г., для духовенства епархии было установлено содержание за счёт войсковой казны.

Кубанское и Крымское краевые правительства также признавали епархиальные советы государственными учреждениями. Второе Крымское краевое правительство основывалось на положении о епархиальном управлении Поместного Собора. Однако финансирования епархиальные советы так и не получили в связи с прекращением деятельности Второго Крымского правительства, все постановления которого были аннулированы.

С переходом территорий под контроль А.И. Деникина приоритет отдавался Главному командованию Добровольческой армии. Высшие органы церковной власти Юга России – Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 г. и Временное высшее церковное управление оказали решительную поддержку А.И. Деникину в его соперничестве с казачьими краевыми правительствами, как представителю легитимной государственной власти в России. Такую позицию по отношению к Деникину занимал и преосвященный Агафодор, архиепископ Кавказский и Ставропольский. Церковные иерархи надеялись, что именно Добровольческая армия сможет спасти Россию от ужасов большевистской тирании.

В церковном вопросе Деникин следовал политике Временного правительства с поправкой на Поместный Собор. Он учредил при Особом совещании Управление исповеданий – посредствующий орган между государством и церковью, деятельность которого критиковалась временной высшей церковной властью. В Крыму ВВЦУ удалось обосновать для П.Н. Врангеля излишний характер Управления исповеданий при наличии самого ВВЦУ, которое, собственно, и основывается на определениях Поместного Собора. В итоге последнему передали дела, принадлежащие компетенции Управления по православному исповеданию.

Кубанское краевое правительство и епископ Иоанн (Левицкий) не смогли наладить конструктивное взаимодействие. Епископ устранился от участия в общественной жизни, а кубанский атаман всё больше вмешивался в епархиальные дела. Левеющие Кубанская Рада и Кубанское краевое правительство утрачивали религиозное уважение к епископскому сану. Епархиальные учреждения реквизировались, невзирая на нужды и протесты со стороны епархии. Кубанская конституция отменяла вероисповедные преимущества, на основании чего правительство отказывало в покровительстве православно-Церкви и её учреждениям. Отмена циркуляра Ведомства Народного Просвещения о необходимости воспитания подрастающего поколения на христианских началах объяснялась тем, что упоминание «христианских начал» не соответствует

конституции края. Церковными делами интересовались, когда речь заходила о поддержке казачьей автономии и учреждении самостоятельной Кубанской епархии.

К слову, и Деникин принял политическое решение в обход церковных канонов в ситуации с казнью члена Кубанской краевой рады, заштатного священника Калабухова. Как видим, отношения церковной власти, краевых правительств и Деникина в годы Гражданской войны складывались сложно, а порой и весьма конфликтно; каждая сторона пыталась, в первую очередь, отстаивать свой интерес: краевые правительства превыше всего ставили интересы края и свои политические прерогативы;

Библиографический список

Бирюкова Ю.А. Позиция Юго-Восточного Русского Церковного Собора 1919 г. в политическом противостоянии периода Гражданской войны // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 5 (60). С. 9–17.

Бирюкова Ю.А. Православное духовенство в условиях «красного террора» на юге России в период Гражданской войны. 1918–1919 гг. // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 87. С. 40–50.

Деникин А.И. На страже русской государственности: избранные статьи, речи, письма. М.: Русский путь, 2014. 470 с.

Кандидов Б.П. Церковь и гражданская война на Юге (материалы к истории религиозной контрреволюции в годы гражданской войны). М., 1931. 295 с.

Кашеваров А.Н. Временные церковные управления на территориях, занятых белыми // История Русской Православной Церкви в XX в. (1917–1933): материалы научной конференции (Сэнтедр (Венгрия), 13–16 ноября 2001 г.). Ч. 1. Мюнхен, 2002. С. 70–92.

Кашеваров А.Н. Деятельность Церковного управления на юго-востоке России в годы Гражданской войны // Гражданская война на Востоке России: материалы Всероссийской научной конференции (г. Пермь, 25–26 ноября 2008 г.). Пермь: Пермский государственный архив новейшей истории. 2008. С. 163–170.

церковные власти требовали по отношению к себе уважительного и доброжелательного отношения, естественно, при сохранении традиционной для слуг Божьих независимости; Деникин был последователен и неумолим при осуществлении своей политики по воссозданию «Великой, Единой и Неделимой России» и защите общероссийских интересов. Вместе с тем отметим, что и для церковных властей, и для краевых правительств, и для белогвардейской администрации одинаково неприемлемы были и Октябрьский переворот, и Декреты Советской власти, и жестокие преследования духовенства, проводимые на территории РСФСР.

References

Biryukova Yu.A. (2014) The position of the South-Eastern Russian Church Council of 1919 in the political confrontation of the Civil War period. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi = Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 2: History. The History of the Russian Orthodox Church.* No. 5 (60). P. 9–17. (In Russ.)

Biryukova Yu.A. (2019) Orthodox clergy in the conditions of the "red terror" in the south of Russia during the Civil War. 1918–1919. *Vestnik pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya II. Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi = Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University. Series II. History. The History of the Russian Orthodox Church.* Iss. 87. P. 40–50. (In Russ.)

Denikin A.I. (2014) On guard of the Russian statehood: Selected articles, speeches, letters. Moscow: Russian Way. 470 p. (In Russ.)

Kandidov B.P. (1931) The Church and the Civil War in the South (materials on the history of religious counter-revolution during the Civil War). Moscow. 295 p. (In Russ.)

Kashevarov A.N. (2002) Temporary church administrations in the territories occupied by whites. *Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v XX v. (1917–1933): materialy nauchnoi konferentsii (Sentedr (Vengriya), 13–16 noyabrya 2001 g.) = History of the Russian Orthodox Church in the XX century. (1917–1933). Proceedings of scientific conference (Sentedr (Hungary). November 13–16, 2001).* Part 1. Munich. P. 70–92.

Kashevarov A.N. (2008) Activity of Church administration in the South-East of Russia during the Civil War. *Grazhdanskaya voyna na Vostoke Rossii: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (g. Perm', 25–26 noyabrya 2008 g.) = Civil War in the East of Russia. Materials of the All-Russian Scientific Conference (Perm, November 25–26,*

Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005. 440 с.

Кенворти С.М. Патриарх Тихон и первоиерархи Православной Российской Церкви в годы Гражданской войны // Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922: материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 10–13 июня 2019 г.). СПб.: Нестор-История, 2020. С. 208–222.

Кияшко Н.В. Церковь в системе формирования институтов власти Добровольческого движения на Юге России: особенности создания Черноморской епархии в 1918–1919 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 91. С. 91–103.

Кострюков А.А. Деятельность Церковного управления на юго-востоке России в годы Гражданской войны // Гражданская война на Востоке России: материалы Всероссийской научной конференции (г. Пермь, 25–26 ноября 2008 г.). Пермь: Пермский государственный архив новейшей истории, 2008а. С. 163–170.

Кострюков А.А. Ставропольский Собор 1919 г. и начало независимой церковной структуры на Юге России // Уральский исторический вестник. 2008b. № 4 (21). С. 71–75.

Молчанов Л.А. «Мы не дали верующим всего того, что должны были дать» (Временное высшее церковное управление на Юге России) // Белая гвардия: Русская Православная Церковь и Белое движение. М.: Посев, 2008. С. 33–54.

Олихов Д.В. Временное высшее церковное управление Сибири (1918–1920 гг.): опыт церковного строительства в эпоху гражданского лихолетья. Санкт-Петербург: Изд-во «САТИС», 2017. 220 с.

Попов А.В. Временные Высшие Церковные Управления на территориях, контролируемых белогвардейскими правительствами // История белой Сибири: материалы VI международной научной конференции (Кемерово, 7–8 февраля 2005 г.) Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. С. 180–188.

Пученков А.С. Деникин и Кубань в 1919 году: два эпизода отношений // Русский Сборник: исследования по истории России. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. Т. XII. С. 385–406.

2008). Perm: Perm State Archive of Modern History. P. 163–170. (In Russ.)

Kashevarov A.N. (2005) The Orthodox Russian Church and the Soviet State (1917–1922). Moscow: Krutitsky Podvorye. 440 p. (In Russ.)

Kenvorti S.M. (2020) Patriarch Tikhon and the First Hierarchs of the Orthodox Russian Church during the Civil War. *Grazhdanskaya voina v Rossii: Zhizn' v epokhu sotsial'nykh eksperimentov i voennykh ispytaniy, 1917–1922: materialy mezhdunarodnogo kollokviuma (Sankt-Peterburg, 10–13 iyunya 2019 g.) = Civil War in Russia: Life in the Era of Social experiments and Military trials, 1917–1922. Proceedings of the International Colloquium (St. Petersburg, June 10–13, 2019)*. St. Petersburg: Nestor-History. P. 208–222. (In Russ.)

Kiyashko N.V. (2019) The Church in the system of formation of the institutions of power of the Volunteer movement in the South of Russia: features of the creation of the Black Sea Diocese in 1918–1919. *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi = Vestnik PSTGU. Series II: History. The History of the Russian Orthodox Church*. Iss. 91. P. 91–103. (In Russ.)

Kostryukov A.A. (2008a) Activity of Church administration in the South-East of Russia during the Civil War. *Grazhdanskaya voina na Vostoke Rossii: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (g. Perm', 25–26 noyabrya 2008 g.) = Civil War in the East of Russia. Materials of the All-Russian Scientific Conference (Perm, November 25–26, 2008)*. Perm: Perm State Archive of Modern History. P. 163–170. (In Russ.)

Kostryukov A.A. (2008b) Stavropol Cathedral of 1919 and the beginning of an independent church structure in the South of Russia. *Ural'skii istoricheskii vestnik = Ural Historical Journal*. No. 4 (21). P. 71–75. (In Russ.)

Molchanov L.A. (2008) “We did not give the believers everything that we had to give” (Temporary Supreme Church Administration in the South of Russia). *Belaya gvardiya: Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i Beloe dvizhenie = White Guard: The Russian Orthodox Church and the White Movement*. Moscow: Sowing. P. 33–54. (In Russ.)

Olikhov D.V. (2017) The Provisional Supreme Church Administration of Siberia (1918–1920): The experience of church construction in the era of civil hard times. Saint Petersburg: SATIS. 220 p. (In Russ.)

Popov A.V. (2005) Temporary Higher Church Administrations in the territories controlled by the White Guard governments. *Istoriya beloi Sibiri: materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Kemerovo, 7–8 fevralya 2005 g.) = History of White Siberia. Materials of the VI International Scientific Conference (Kemerovo, February 7–8, 2005)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. P. 180–188 (In Russ.)

Puchenkov A.S. (2012) Denikin and Kuban in 1919: two episodes of relations. *Russkii Sbornik: issledovaniya po istorii Rossii = Russian Collection: studies on the history of Russia*. Moscow: Regnum. Vol. XII. P. 385–406. (In Russ.)

Пученков А.С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных Сил на Юге России. СПб.: Владимир Даль, 2021. 813 с.

Пученков А.С., Калиновский В.В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах / Науч. ред. Н.Н. Смирнов. СПб.: Владимир Даль, 2020. 407 с.

Филимонов А.П. Разгром Кубанской Рады // Архив русской революции. М.: Терра, 1991. Т. 5. С. 322–329.

Цветков В.Ж. Белое дело в России. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. Ч. II. 1919–1922 гг. М.: Достоинство, 2016. 640 с.

Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. В 2 т. Нью-Йорк: Изд-ство имени Чехова, 1954. Т. 2. 412 с.

Kenworthy Scott M. Rethinking the Russian Orthodox Church and the Bolshevik Revolution // *Revolutionary Russia*. 2018. № 31: 1. P. 1–23.

Сведения об авторе

Бирюкова Юлия Александровна,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Россия;
доцент кафедры «Православная культура и теология», Донской государственный технический университет, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1, Россия,
✉ e-mail: yliya-biryukova@yandex.ru

Заявленный вклад автора

Ю.А. Бирюкова выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 1 июля 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 31 августа 2021 г.
Принята к публикации 13 сентября 2021 г.

Puchenkov A.S. (2021) The first year of the Volunteer Army: from the emergence of the “Alekseevskaya Organization” to the formation of the Armed Forces in the South of Russia. St. Petersburg: Vladimir Dal. 813 p. (In Russ.)

Puchenkov A.S., Kalinovskii V.V. (2020) The spiritual outpost of Russia: the Orthodox clergy of the Crimea in 1914–1920. St. Petersburg: Vladimir Dal. 407 p. (In Russ.)

Filimonov A.P. (1991) The defeat of the Kuban Rada. *Arkhiv russkoi revolyutsii = Archive of the Russian Revolution*. Moscow: Terra. Vol. 5. P. 322–329. (In Russ.)

Tsvetkov V.Zh. (2016) White business in Russia. 1920–1922 (formation and evolution of the political structures of the White Movement in Russia). Moscow. Part II. 640 p. (In Russ.)

Shavel'skii G.I. (1954) Memoirs of the last protopresbyter of the Russian Army and Navy. In 2 vols. New York: Izdatel'stvo imeni Chekhova. Vol. 2. 412 p. (In Russ.)

Kenworthy Scott M. Rethinking the Russian Orthodox Church and the Bolshevik Revolution // *Revolutionary Russia*. 2018. No. 31: 1. P. 1–23.

Information about the author

Yuliya A. Biryukova,

Cand. Sci (History), Leading Researcher, Institute of History, St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya embankment, St. Petersburg, Russia; Associate Professor, Department of Orthodox Culture and theology, Don State Technical University, 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don 344003, Russia,
✉ e-mail: yliya-biryukova@yandex.ru

Contribution of the author

Yu.A. Biryukova carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received July 1, 2021.
Received August 31, 2021.
Accepted September 13, 2021.